

**СТАТУС И МЕСТО АСЕМАНТИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ
В МОРФОДЕРИВАЦИОННОЙ СТРУКТУРЕ СЛОВА.
СТАТЬЯ 2. СИСТЕМО-СТРУКТУРНЫЙ, ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ
И ГЕНЕТИЧЕСКИЙ ФАКТОРЫ**

Н. Д. Голев

**NON-SEMANTIC ELEMENTS' STATUS AND RANK
IN THE MORPHODERIVATIONAL WORD STRUCTURE
PAPER 2: SYSTEMIC AND STRUCTURAL, FUNCTIONAL AND GENETIC FACTORS**

N. D. Golev

Статья является второй частью цикла публикаций автора, посвященных изучению вопроса о статусе и месте асемантических элементов в морфодеривационной структуре слова. В статье сделан акцент на синхронных структурно-семантических, структурно-генетических и функциональных факторах. Обсуждаются различные решения данного вопроса в зависимости от подхода к нему: морфемного (структурно-семантического) или деривационного (структурно-функционального), лексического или системно-словообразовательного, синхронного или генетического.

This paper is the second part of the author's publications cycle dealing with non-semantic elements' status and rank in the morphoderivational word structure. The paper highlights synchronic structure-semantic, structure-genetic and functional factors. Depending on the approach chosen: morphemic (structure-semantic) or derivational (structure-functional), lexical or systemic formative, synchronic or genitive, various resolutions are discussed.

Ключевые слова: словообразовательная структура слова, словообразовательная модель, морфемная структура слова, асемантические элементы, субморфы, интерфиксы, наращения.

Keywords: derivational word structure, derivational pattern, morphemic word structure, non-semantic elements, sub-morphs, interfixes, expanded forms.

В первой статье данного цикла (статья «Статус и место асемантических элементов в морфодеривационной структуре слова. Статья 1: роль фактора регулярности» опубликована в журнале «Вестник КемГУ», 2012, № 2) проблема места и статуса спорных морфемоидных отрезков в структуре слова была в основном рассмот-

рена а в аспекте фактора регулярности воспроизведения такого рода отрезков и продуктивности модели, в которую они включены или имеют тенденцию быть включенными, хотя так или иначе в ней затрагивались и другие факторы. В данной статье акцент сделан на смежных факторах: синхронных структурно-семанти-

ческих, функциональных и генетических детерминантах. Сложность вопроса о месте несемантических элементов в структуре слова заключается не только в том, что сам по себе критерий регулярности-нерегулярности (и тем более функциональности) практически во многих случаях трудно использовать в силу онтологической скрытости причин, но и в том, что этот критерий далеко не единственный. К серьезному осложнению приводит также то обстоятельство, что решение поставленного вопроса находится в тесной зависимости от гносеологического подхода к нему: морфемного (структурно-семантического) или деривационного (структурно-функционального), лексического или системно-словообразовательного, синхронного или генетического. В силу гносеологического фактора исследователь ставится перед методологической дилеммой – выбором варианта анализа на основе либо «комплексности» подходов, либо сохранением его «чистоты» и логической последовательности в реализации одного подхода.

1. Разнообразие факторов, влияющих на статус «спорного» отрезка

1. Необходимо учитывать тип присоединений к данной основе морфемы. Если это флексия (парадигма флексий), то «спорный» отрезок со всей очевидностью должен испытывать тяготение к основе: *воп(ль), се(в), оде(н)-у, рудозна(т), англичан(ин)-а*. Флексии более жестко выкристаллизовались как системные единицы, обладающие признаками обязательности, регулярности и стандартности выражения, менее склонны к материальной вариативности, в том числе линейного типа (о линейной вариативности во флективной сфере можно говорить лишь в редких случаях типа *весн-ой /весно-ю, дв-умя / тремя*. Имеются трактовки окончаний первого и второго спряжений глаголов, как *-шь, -т, -м, -те*, а предшествующие им гласные – как тематические гласные (типа интерфиксов, по Е. А. Земской) или вариантообразующих наращений к окончаниям. Эту трактовку поддерживают окончания типа *-шь* в *да-шь, е-шь*, где окончания представлены без наращений (тематических гласных). Однако в силу того, что архаические *-шь, -ст* и пр. представлены в явно единичных глаголах, именно их в синхронии следует считать усеченными вариантами. Сложившаяся система не поддерживает такую трактовку прежде всего потому, что окончания третьего лица единственного и множественного числа противопоставлены именно комплексами «гласный – согласный»: *-ем/-ум – -ум /-ат*. В суффиксальном формообразовании линейная вариативность представлена несколько шире: *-е/-ей* в сравнительной степени, *-в/-виш* в деепричастиях, *-ти / -ть* в инфинитиве, но только в *-нн-/-енн-* в причастиях линейное изменение связано с организацией морфемного шва). Можно сказать, что между флексиями и основой отношения давно отрегулированы таким образом, что переменной (приспособляемой) величиной выступает основа. А, к примеру, префиксы свободнее включают в свой состав регулярные наращения: *де(з)-информация, под(о)греть*. Нерегулярные отрезки между префиксом и корнем (например, *-н-* в слове *вз(н)-уздать* так же, как и во всех других случаях, ближе к корню. При соединении двух основ наблюдается иная тенденция к развитию – от флексии к регулярной морфеме (этот статус отражает термин «соединительная гласная») и далее – к самостоятельному форманту, называемому в

«Русской грамматике» интерфиксом [10, с. 139]. Однако важно подчеркнуть при этом, что этот процесс не завершен и существует некоторое тяготение интерфикса к первой основе, что обусловлено исторически синхронно, ср.: *нефт(е) – и газодобыча*; «земля, исполосованная электр(о) и всякими другими линиями» (Астафьев В. Посох памяти).

Движение знаменательных морфем к аффиксальным, вследствие высокой воспроизводимости последних, связано с определённой «переориентацией» промежуточных отрезков от первой основы ко второй основе – аффиксоиду: *гидроним, зооним* и т. д., породившие термин *оним*; *платиноид, зеброид* – в которых ясно ощущается целостный суффиксоид – *оид*; вероятно, определённые колебания испытывает и субморф *-о-* в словах на *-одром, -отека, -олог, -ология* (ср. *болтология*), *пол(у)* (функционально *полу-* уже самостоятельный аффикс, поэтому, к примеру, *пол-круга* и *полукруг* – разные слова, образованные разными способами словообразования – сложением и префиксацией-, по-разному склоняющиеся (в ряде учебников *пол-круга* предлагают склонять следующим образом: род. *полкруга*, дат. *полкругу*, творю *полкругом* и т. д. , что, на наш взгляд, неправомерно, поскольку приведенные косвенные словоформы принадлежат только лексеме *полукруг*, а *пол-круга* в литературном языке косвенных форм не имеет). Впрочем, для *полчаса* склонение по типу *полчас* уже не столь отчетливо неприемлемо, возможно, потому, что существительное *полчас* в русском языке отсутствует.

2. Необходим учёт природы, генезиса интерфиксов-наращений: в одних случаях они «восходят» к фонетическим явлениям, порождённым спецификой основы (*шоссейный, киевлянин, суждение, чуждый, киношный*) и поэтому к основе примыкающим, в других же случаях они «этимологизируются» через аффиксы и другие части основ (*шип-ов-ник, зл -(ост)-н/ый/и*) и характеризуются поэтому развитием от основы к интерфиксу и далее к аффиксу. Таким образом, в словах типа *муссолини-(j)-евский* отрезок *-j-* ближе к основе, а *-ов-* к суффиксу. Отличие фонетических элементов от других заключается в их относительной обязательности, в обусловленности артикуляцией, хотя и здесь нет жёстких закономерностей, ср.: *де(з)информация* и *деэтимологизация, контр(а)-пункт* и *контр-встреча, модель(j)-эр* и *интервью-эр* и т. д. Вероятно, парадигматические требования (за которыми стоят аналогия и регулярность воспроизведения) оказываются сильнее синтагматических.

3. Следует учитывать и регулярность наличия наращений при определённом корне. Было бы нелогичным считать отрезки типа *-т-* при глагольной основе *жи-* (*житница, житуха*) частью суффикса, если этот отрезок регулярно обслуживает данную основу во многих производных. Аналогичен отрезок *-в-* при корне *пе-* (*певец, нараспев, певучий*) или *би-* (*бивень, перебив*) и др. Теоретический интерес вызывает возможность чередований «закрывающих», консонантизирующих согласных: *да(т)-чик, да(ч)-а, прода(в)-ец, прода(ж)-а, рудозна(т), зна(т)-ок, незна(ж)-ка, би(т)-а, уби(ж)-ство, разби(в)-ка, би(в)-ень, оде(н)-у, оде(ж)-ало, подде(в)-ка, ветроду(ж), стеклоду(в), ста(н), ледоста(в), мя(т)-а, глиномя(л).*

Вероятно, в эту же группу входит отрезок *-к-* в словах типа *истори(к)*, *траги(к)омический*, с той особенностью, что здесь присутствует фактор наложения.

4. Несомненно, что на место спорного отрезка влияет и степень его мотивированности / идиоматичности в структуре образования, и соответственно, степень семантического отрыва «спорного» отрезка от формально мотивирующей основы. Сравним слова *дармовщина*, *групповщина*, *поножовщина*. Связь с прилагательными на *-ов/ый/* вполне реальна в первом случае, менее реальна – во втором и проблематична в третьем. Максимального отрыва от основы достигают «реликтовые» отрезки – остатки прежних состояний, итог каких-то исторических процессов в формальном или формально-семантическом планах. Такие отрезки создают формальную идиоматичность структуры, они вообще лишены как приспособляемостной функции (случайны по отношению к валентности), так и интегрирующей (нерегулярны): *ин-(д)-еветь*, *черт(ых)-а/ть/ся*, *мерз-(ав)-ец*, *худ-(оц)-ав/ый/* (исторически от *худость*, ср. *молож-ав /ый/*, *пер-(н)-ат/ый/* (исторически от *перно*, ср. *крыл-ат/ый/*; *боя-(з)-лив/ый/*, *нов-(и)-еств/о/*, *меж(ду)-правительственный* и т. д. Подобные отрезки по функции нельзя отнести ни к основе, ни к аффиксу, поскольку они пока не проявляют своей функциональности, и в этом плане их можно трактовать как принадлежащие всей лексеме в целом. На наш лексико-структурный взгляд на такие спорные отрезки, когда словообразовательная структура выводится из лексической отношений, и делается акцент на мотивирующей основе как главном структурообразующем компоненте (подробнее об этой проблеме см. в наших статьях [1, с. 117 – 124; 2, с. 30 – 47; 3, с. 58 – 65]. Функционализация отношений в словообразовательном смысле переводит акценты на аффикс и словообразовательную модель, им образующую, поэтому даже мысленная актуализация модели – аналогии типа *худощавый* / «толстощавый», говорят о потенциале их развития в сторону образования «удлиненных вариантов» суффикса. С лексико-мотивационной точки зрения, отсутствие семантической связи с основой не позволяет считать иноязычные вставки типа *-ат-* в словах *драматический*, *схематический*, *симптоматический*, принадлежностью именно основы, как предлагает В. В. Лопатин [5, с. 47] (*дипломатический*, тем более, *ароматический* имеют такие основания). Тем не менее общая тенденция движет их в сторону образования удлиненных вариантов суффикса, особенно если дериваты появляются не как русифицированное оформление-заимствование, а в собственно русской деривационной среде, возможно, именно в ней образовались (*травм-атический*, *плазм-атический*, *магм-атический*, *спазм-атический*) (дальнейшее движение в этом направлении – различное функционально-семантическое наполнение формальных вариантов, территориальная дифференциация [4]. Об этом мы намерены сказать в одной из следующих статей данного цикла). Аналогичный критерий может быть применён и по отношению к таким отрезкам как, *-а-*, *-и-*, *-е-*, *-ух-*, ср.: *однажды*, *трижды*, *двенадцать*, *треухий* – здесь эти отрезки немотивированы, *двухлетний*, *пятиэтажный* – мотивированы. В слове *двойка* (например, *двойка загребных*) отрезок *-ой-* мотивированный (от *двој/е/*), а в *двойка* (по физике) отрезок *-ој-* – немотивированный, из чего следует, что в первом случае есть основания считать отрезок *-ой* частью производящей основы, а во

втором – суффикса. Слова типа *однерка* сигнализируют о том, что статус суффикса *-(ер)к-* уже оформился и для его употребления уже не требуется смысловая мотивация собирательным числительным (так же, как, например, не требуется собирательного числительного *тысячери* для глагола *утысячирить*).

С лексико-мотивационной точки зрения, сложным является вопрос о словах типа *злостный*, *экзаменационный*, которые формально мотивируются словами *злость* и *экзаменация*, но семантически и функционально мотивируются словами *зло*, *экзамен*, отрезки *-ость-* и *-аци-*, в силу этого, здесь лексически не мотивированы, они отрываются от основы. Аналогично обстоит дело с «пустыми» приставками типа *по-* (*поход*, *подруга*, *погоня*), *вс-* (*вспомогательный*), *о-* (*одуванчик*, *охота*). Степень их отрыва от основы также неодинакова, ср.: *похлебка*, *погоня* (связь с глаголами *похлебать*, *погнаться* достаточно ощутима), *поплавок*, *полет*, *победа* (связь с соответствующими глаголами ощутимо слаба), *поход*, *подвижный* (связь отсутствует). Системная дериватизация отрезков типа *-аци-*, на наш взгляд, вполне вероятна, что же касается «пустых» приставок, то здесь вопрос о их «оживлении» обстоит сложнее, поскольку не видно примеров новообразований

5. Со всем сказанным органически связан фактор взаимодействия планов создания и воспроизведения по отношению к тем или иным морфонологическим явлениям. Диалектика соотношения создания и воспроизведения актуальна не только на уровне слов, но и на уровне морфем, употребляемых в порождающей функции, прежде всего в области морфонологии, взаимоприспособления морфем. Явление морфонологии можно рассматривать как результат «строительства», в ходе которого форманты в целях приспособления так или иначе «обрабатываются», «подгоняются» друг к другу на морфемном шве посредством качественного видоизменения звуковой оболочки (чередование), усечения «лишнего»; вставок (интерфиксация), удлинения морфем (наращение) и др., например: *киевлянин*, *кофейник*, *ручка*, *синеватый* (ср. *беловатый*), *дезинформация*, *лесостель* и т. д.). Однако возможна и другая постановка вопроса: для получения приемлемого целого из системы морфем языка подбираются уже готовые, подходящие для данной цели, то есть хорошо сочетающиеся по форме варианты или синонимы основ и аффиксов. Имеем ли мы здесь дело с разными аспектами одного и того же явления, например, порождающего, или функционального в противовес структурно-системному, или формально-семантическому, или объективно разными явлениями, не сводимыми друг к другу? Не отрицая предпочтительности какой-либо из этих трактовок для того или иного подхода, мы тем не менее считаем правомерными попытки отыскания линии объективного противопоставления плана создания и плана воспроизведения производного слова. Естественно признать такой линией регулярность данного морфонологического средства. Однако конкретная реализация данного принципа оказывается неоднозначной во многих решениях.

Во-первых, различается обоюдное приспособление сочетающихся морфем, ср. *кутеч+еск/ий/* (в первом случае целесообразно видеть «создание» варианта основы, а во втором – выбор варианта аффикса) и приспособление основ к аффиксам, ср.: *лж+ец* и *лж+ун*, *опен+ок* и *пн+ищ/е* или аффиксов к основе:

под+бежать и *подо+йти*, *перепис+чик* и *пил+щик*, *пил+щик* и *пили+льщик* и т. п. Соединительная гласная скорее средство присоединения первой основы ко второй, чем средство взаимоприспособления, так как наличие-отсутствие соединительной гласной не зависит от характера начала второй основы (*взрывоопасный* и *новодиспечный*), тогда как зависимость отсутствия соединительной морфемы от конца первой основы очевидна: *менюоставление*, *кофеварка* в силу вокальной финали основы не нуждаются в дополнительной вокализации.

Во-вторых, разные морфонологические средства тяготеют к различным в данном отношении типам приспособления. Так, чередования и усечения более мобильны, тогда как наращенные тяготеют к статическому воспроизведению. При этом, как было сказано, направление такого тяготения при суффиксальном слово- и формообразовании – от основы к аффиксу основы уникальны, поэтому именно в них заложена причина разнообразия аффиксов. Аффиксы, образуя варианты, как бы вбирают в себя специфичность основы и средств приспособления к ней, типизируют ее и обслуживают этот тип. При флективном формообразовании "тяжесть" наращений переносится на основу, что нередко является причиной образования их устойчивых вариантов. Так, основы настоящего и прошедшего времени у глаголов, субстантивные основы с наращением (*-ер-*), (*-ен-*), (*-ин-*), основы собирательных числительных с наращенными (*-ой-*), (*-ер-*) сохраняют свой статус и при образовании новых суффиксальных производных (ср.: *пил(у)+(ль)щик* и *пиль+щик*, *мат(ер)+инск/ий/* и *мат+(уш)к/а/*, *врем+ечк/о/* и *врем(ен)+н/ый/*, *пят+ак* и *пят(ер)к/а/*).

В-третьих, диахронический и типологический аспекты предполагают наличие морфонологических явлений промежуточного характера, разной степени приближенности к тому или иному морфонологическому типу. Например, «закрывающие», «консонантизирующие» субморфы типа *-и-* (*киношный*) или *-ј-* (*кофейный*) не стали еще, на наш взгляд, тем элементом, который принадлежит суффиксу (*-ин-* или *-јн-*), больше оснований видеть в них или соединительный элемент (интерфикс, по Е. А. Земской), но с функциональной точки зрения предпочтительнее выглядит их трактовка как части основы: *се(в)-#*, *глиномя(л)-#*. Некоторые элементы занимают промежуточное положение между морфонологией и суффиксальной или интерфиксальной деривацией: *завкафедрой*, *трёхтонный*, ср. *двушник*, *трёшник* (скорее всего, генетически они восходят к прилагательным *двухкопеечный*, *трёхкопеечный*); *дважды*, где аналогичные компоненты – субморфы, в разной мере тяготеющие к суффиксу; *дома*, *во-первых*, *подчистую* эти компоненты – самостоятельные морфы или части формантов.

В-четвертых, соотношение производства / воспроизводства в морфах каждого конкретного слова непосредственно зависит от соотношения категорий в данном слове в целом: чем далее отходит слово от плана создания, тем более воспроизводимыми (в составе целого) становятся принадлежащие ему морфы. При этом меняется характер зависимости. Уникальность морфа или морфонологического средства в готовом каноническом слове делает его максимально воспроизводимым и его нужно просто запоминать, например: *пер-н-ат/ый/* (ср. *рог-ат/ый/*), *жест-укул-урова/ть/*, *гену-эз-ск/ий/*,

убра-н-ство, *илёпа-н-ц/ы/*, *уф-им-ск/ий*, *балер-ин/а/*, *сахар-ц-метр*, *женить-б/а/* (ср. *жень-б/а/*) и т. п. Такое явление ярко иллюстрирует формальную идиоматичность структуры слова.

2. Функциональный фактор в квалификации места «спорного» отрезка в морфодеривационной структуре слова

Разработка непротиворечивой методики определения статуса асемантических отрезков – дело будущего. В соответствии со всем сказанным выше мы предлагаем в формально-семантическом аспекте считать их в основном относительно самостоятельными, дискретными единицами – интерфиксами, обладающими формой, но лишенными семантики. С функциональной точки зрения, основной в данном отношении, некоторые из таких интерфиксов, обнаруживающих интегральную функцию или просто регулярность, логично включать в состав аффикса. Также в состав аффикса должны включаться средства приспособления аффиксов к основе (ср.: *-чик* и *-щик*; *-оват-* и *-еват-*). Напротив, средства приспособления основ к аффиксам целесообразно оставлять в составе основ (*ко-фе(ј)-ный*, *поня(т)-ливый*). Средства же взаимоприспособления (соединительные гласные) следует отнести к интерфиксам. Таким образом, с функциональной точки зрения, «спорные» отрезки, обнаруживающие «функциональность», тяготеют к единицам более высокого порядка в зависимости от того, что и как они обслуживают; нефункциональные отрезки в этом смысле индифферентны.

Следует заметить, что с позиций единиц более высокого порядка вопрос о месте морфонологических прокладок мало существен. Это можно проиллюстрировать примерами из обывденной жизни. Шайба, например, будучи прокладкой между болтом и деталью, относится скорее к болту (с ним и продается). Решетка, закрывающая пламя газовой горелки, скорее часть плитки, нежели сковороды. Так же соединительная гласная ближе к первой, чем ко второй основе. Ясно, однако, что такие решения не являются строгими: критерии, по которым они осуществляются, расположены на уровне внешних признаков. Проблема места субморфов заключается в том, что функтивы-морфы и функтивы-субморфы (как единицы структурно-семантического плана [9]) выполняют разную по качеству функцию. И нет ничего противоречивого в том, что с позиций функции субморфа, он должен быть отнесен ко всей структуре в целом, ко всей единице, а не к ее отдельным частям. А распределение его внутри структуры – вопрос частный.

В практическом плане сложность определения статуса асемантических отрезков в структуре слов связана с противоречием метода и объекта. Объект – явление функционального плана (функтив), адекватным методом изучения которого является словообразовательный анализ, между тем его выделение осуществляется по принципам формально-семантического (морфемного) анализа. Например, с позиций мотивации мы выделяем в слове *дезинформация* мотивирующую базу *информация* и формант *dez-*; выделение же в форманте наращенного *-з-* возможно только при использовании принципов дифференциации и отождествления. Поэтому в рамках единого морфемно-словообразовательного анализа целесообразно, на наш взгляд, ввести еще один дополнительный прием-этап – "проверку" выделенных

отрезков на функциональность, в соответствии с которой определять место отрезка в структуре. Например, в слове *взя-т-о-ч-нич-е-ств-о* субморфы *-т-*, *-е-* и *-о-* следует определить как принадлежность соответственно корня *взя(т)* и суффиксов *-(е)ств-* и *-(о)ч-*, после чего морфодеривационная структура будет выглядеть так: *взя(т)-(о)ч-нич-(е)ств/о*. Такому целостному представлению структуры соответствует предложенный Г. О. Винокуром и развитый Н. М. Шанским принцип скобочной записи, например: $\langle \{ / \text{взя-(т)} + \text{(о)ч} / + \text{нич} \} + \text{(е)ств} \rangle \text{о}$. По отношению к субморфам этот принцип особенно важен, так как они принадлежат чаще всего единицам функционального уровня, нередко составным. По локальному же критерию их следовало бы отнести к одной из близлежащих составных частей, скажем, *-й* в глагольных основах – часть основы, но не суффиксов *-а-* или *-е-* в *листаю* и *плешивею*: $\{ / (\text{лист}) + \text{а} / - (\text{й}) \} \text{у}$, $\langle \{ / (\text{пlesh}) + \text{ив} / + \text{е} \} - (\text{й}) \rangle \text{у}$.

В связи с обсуждаемым вопросом немалый интерес представляет статья И. Г. Милославского «Сложение семантических элементов в структуре русского слова» [5, 6], в которой автор, справедливо полагая, что для структуры русских слов типична деактуализация значения каких-то предшествующих звеньев (например в словах *выталкивать* или *сжигать* значение совершенного вида, заключенное в префиксе, неактуально в данных глаголах несовершенного вида), делает вывод о том, что такое же погашение значения имеет место и в случаях типа *ялтинский*, *орловский*, *американский* (это же значение наличествует, по И. Г. Милославскому, в словах *тополный*, *ежовый*, *песчаный*); *целёбный* (*хвальба*), *медвежатина* (*бородатый*), *спортсменный* (*спесивый*); *бомбёжка* (*галдёж*). В словах *аналогический* и *извинительный* в такой же мере выделяются суффиксы *-ик/ -ич* и *-тель*, как и в словах *аналитический* и *утешительный*, несмотря на то, что в последних можно усмотреть мотивирующие основы *аналитик-* и *утешитель-*. Основания для таких утверждений автор видит в разнице морфемного анализа, в аспекте которого им и проводится обсуждение, и анализа словообразовательного. «Для морфемного анализа, как известно, – пишет И. Г. Милославский, – существенно установить не связи между существующими в языке словами, а расчленив слова на мельчайшие по форме членимые единицы. При таком членении важно лишь то, можно ли приписать вычленяемому отрезку некоторое значение. При этом несущественно, выступает ли данный отрезок в пределах данного словообразовательного гнезда или нет» [6, с. 79 – 80].

По поводу приведенных положений можно поставить ряд принципиальных вопросов:

1. Релевантен ли собственно морфемный (формально-семантический) анализ при описании структуры слова без опоры на словообразовательный (функциональный) анализ? Определимо ли значение единицы без опоры на ее функцию? Допустим, в слове *приспособляемостный* аннулирует ли признаковый суффикс *-н-* значение отвлеченной предметности, выраженной в суффиксе мотивирующего существительного *-ость*? Ведь *-н-* указывает на признаковость не только как таковую, но и на признаковость по отношению к отвлеченному существительному; последнее, в свою очередь, субстантивирует процессуальный признак и т. д. То же самое можно сказать и об аннулировании значения

предметности в анализируемых И. Г. Милославским словах частотность и жалостливость [6, с. 76].

2. На каком уровне происходит «расчленение слова на мельчайшие по форме единицы»: морфемном или морфемном? Аксиоматично, что слова и тем более словоформы, – совокупность не морфем, а морфов. В статье И. Г. Милославского, на наш взгляд, предлагается в конечном итоге вычленять из анализируемых конкретных единиц именно морфемы как абстрактные виртуальные языковые единицы вне зависимости от способа их функционирования в данных словах. В связи с этим допустим вопрос, имеют ли суффиксы *-ик-* и *-тель-* в словах *аналогический*, *аналитический* или *извинительный*, *утешительный* значение лица, если мотивационно или функционально данные прилагательные с семей «лицо» не связаны? По существу, они связаны с абстрактными понятиями, выражаемыми словами *аналогия* и *анализ* («относящихся к *аналогии*, *анализу*») или с действиями, выражаемыми глаголами *извинить*, *утешить* (*утешительный* – обладающий способностью к действию «утешать»), в отличие от *утешительский* – «относящийся к утешителю»). Понятно, что с позиций функционального морфемно-словообразовательного анализа, который представляется определяющим по отношению к структурному плану слов, в данных словах целесообразнее выделять суффиксы-функцивы *-тельн-* и *-ическ-*. На несемантичность *-тель-* и *-ич-* указывает их вариантообразующее участие в морфонологических процессах (*кури-тельн-ый* и *кури-льн-ый*, *турист-ск-ий* и *турист-ическ-ий*). Но и в том случае, если анализ ведется на уровне морфем как структурно-семантических единиц, при этом остаются неясными многие моменты, связанные с необходимостью «приписать вычленяемому отрезку некоторое значение».

Каковы должны быть правила структурно-семантического отождествления морфов без привлечения функциональных критериев? С одной стороны, вызывает сомнение объединение в одной морфеме таких морфов, как *-ив-* в словах *спортивный* и *спесивый* (ср. более естественное объединение: *номинатив* и *номинативный*); или *-ат-* в *медвежатина* и *бородатый* (ср. *телята* – *телятина*), *-ин-* в *льдина* (значение дискретности) и *крестьянин* (значение единичности) и др. Отождествление незначимых (в структуре данного слова) морфов, то есть объединение субморфов в «субморфемы», осложняется тем обстоятельством, что они часто употребляются в разнообразных позициях с формально и семантически разными типами основ и аффиксов, ср., например, употребление субморфа *-ов/-ев-*: *орловский*, *отцовский*, *сыновий*, *постепеновец*, *королевство*, *растиловка*, *забегаловка*, *уравниловка*, *толстовка*, *шиповник*, *гнездовье*, *старьёвщик*, *суковатый*, *зубовный*, *сановный*, *царевна*, *чиновник*, *пороховница*, *чаевничать*, *чертовщина*, *юрьевич*, *мешковина*, *чепуховина*, *луковица*, *свекловичный*, *корневище*, *безотцовщина*, *котлован*, *жениховство*.

По происхождению субморфы восходят к явлениям разного языкового статуса, причины их деактуализации также разнообразны. В порождающем плане их образование нередко связано с формальной аналогией, малообусловленной значением и фонетической позицией, ср. отрезок *ат-* в *бредятина* (Наш современник, 1979, № 1) или *журавлятник* (Комсомольская правда, 1980, 25 января); *-ов-* в слове *следовик*: «...он называет кам-

ни с древними знаками следовиками») (Комсомольская правда, 1980, 7 января).

В этом ряду вопросов возникает также вопрос о том, какое значение и функцию нужно приписывать уникальным или трудноотождествляемым спорным отрезкам: *черт-ых-аться, ин-д-ев-ть (враж-д-а-?)*, *жени-ть-ба, пер-н-атый, нов-щ-е-ство, боя-з-ливый, нито-ж-ный, уф-им-ский (люб-им-ый-?)*, *выговор-ёш-ник («А там мы ему ещё прогульчик соорудим, а там выгово-рёшник за прогульчики влечим»)*, *раздух-ар-иться, мут-ор-н-ый*. Этой проблеме мы намерены посвятить следующую статью настоящего цикла статей.

С другой стороны, – и это более существенно – не ясно, следует ли считать здесь одной морфемой значимые и опустошённые морфы? Справедливо положение Аристотеля: «...все вещи определяются способностью к определённой работе..., если этой (способностью) они уже не обладают, то нельзя говорить, что это та самая вещь, но это (другая вещь), обладающая тем же самым названием» (цит по: [8, с. 43]). Применительно к морфемам, исходя из аристотелевского тезиса, можно говорить лишь об омонимии значимых и опустошённых морфов, например, омонимичны отрезки *по-* со значением временной ограниченности действия в слове *почитать* и *по-* в слове *поезд*, где это значение, если оно и было, полностью утрачено (сейчас *поезд* не мотивируется глаголом *поездить*), или «с» в словах *спокойный* и словоформах *со снегом, с железом?*

Думается, что инвариантом несемантических отрезков (субморфов) должен быть именно формальный инвариант с обязательным учетом функции. Вопрос о том, каким должно быть соотношение этих величин – это центральный вопрос в данной сложной и интересной теме.

3. Тожественны ли явления полной незначимости морфа в структуре слов *поезд, вспомогательный, спокойный, утешительный, медвежатина* и т. п. и явления нейтрализации семантики на определенных ступенях словообразовательной цепи (*выталкивать*)? Действительно, чисто механическое суммирование морфов может привести к выводу об их тождестве. Но как только мы перейдем к «функциональному сложению» – а оно заключается в восстановлении мотивационно-словообразовательной цепи, – так сразу становится ясным их различие: «опустошённые» морфы (субморфы) не актуализируются ни в одном звене, нейтрализованные же рано или поздно должны выявить свою функционально-семантическую наполненность и, следовательно, релевантность в общей морфодеривационной структуре данного слова (словоформы).

Особый характер имеет затухание роли морфемы в структуре слова в отрезках типа *-ост-, -аци-, про-, по-*

за- и подобные в словах *злостный, экзаменац^ионный, спросонья, спозаранку*, которые содержат в себе значение, но не являются функциональными.

По отношению к таким, редким в русском языке, единицам принципы морфемно-семантического анализа, предлагаемые И. Г. Милославским, вполне обоснованны. Хотя и здесь обращает на себя внимание факт давления на подобные единицы мотивационно-словообразовательных принципов. Так, например, слово *вскорости* содержит отрезок *-ост-*, никак не относящейся к слову *скорость*, хотя значение отвлеченной субстанции в какой-то мере ему присуще (ср.: *поблизости* от *близость*, *по малости* от *малость* и др.). В то же время непосредственная мотивация словом *скорость* позволяет «видеть» в слове *вскорости* конфикс-функцив *в--ости* (ср.: *вскоре, вблизи*, где выявляется конфиксы *в---е* и *в---и*), точно так же, как *-к-* с исконно субстантивным значением отходит к конфиксу *в---ку* в словах типа *вразбивку, вприкуску* и т. п. Подобным же образом в глаголах типа *взорлеть, взвихрить, приохотить, расцедриться, прикарманить* выделяются составные форманты (смешанные способы словообразования) по причине отсутствия, возможно, случайного и временного, более простых глаголов типа *орлить, рыбить, карманить* (ср.: *положить* при «отсутствии» *ложить*). Последний пример ярко оттеняет то обстоятельство, что представленная логика является справедливой только при лексико-центристской трактовке словообразовательной структуры, при которой она детерминируется лексическими отношениями, в том числе в нормативно-узальной плоскости.

Феномен нейтрализации «сем» представляет собой типовой случай в синхронии языка, он проявляется, например, при образовании лексико-семантических вариантов, где нейтрализация касается как выраженных, так и невыраженных (в отдельных морфемах) признаков, например, семантический признак «желтый», присущий значению слова *золотой* в его основном значении, нейтрализуется в его варианте *золотой* (характер, ребенок и т. д.), признак «петь» выраженный во внутренней форме слова *петух* неактуален в его производных: *петух* (о человеке), *петунья* (растение), *петушком* (наречие) и подпредметность суффикса *-нищ-* исчезает в абстрактном термине (*ножницы* как экономическое понятие), абстрактность *-ние* или *-ость* в *здание* или *жидкость*. Аналогичные процессы происходят при изменении части речи, в частности, таково затухание признаков времени и залога при адъективации причастий или признака определенности количества при адъективации числительных.

Литература

1. Голев, Н. Д. К соотношению лексической и словообразовательной мотивации (функциональный аспект) / Н. Д. Голев // Актуальные проблемы русского словообразования: сб. науч. статей. – Ташкент: Укитувчи, 1985.
2. Голев, Н. Д. Мотивация и словообразование / Н. Д. Голев // Проблемы лексической и словообразовательной мотивации в русском языке: межвузовский сборник / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул: АГУ, 1986.
3. Голев, Н. Д. О некоторых факторах словообразовательной мотивации в русском языке и принципах их взаимодействия / Н. Д. Голев // Языковые и речевые единицы в лексике и фразеологии русского языка: межвузовский сборник научных трудов. – Курск: Изд-во Кур ПИ, 1986.
4. Голев, Н. Д. Опыт описания региональных адъектонимических систем: лексико-семантический аспект мотивации (на материале русских адъектонимов Алтайского края) / Н. Д. Голев // Сибирские русские говоры: сб. статей / под ред. В. В. Палагиной. – Томск: ТГУ, 1984.

5. Лопатин, В. В. Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания / В. В. Лопатин. – М.: Наука, 1977.
6. Милославский, И. Г. Сложение семантических элементов различных типов в структуре русского слова / И. Г. Милославский // Вопросы языкознания. – 1979. – № 6.
7. Милославский, И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза / И. Г. Милославский. – М.: МГУ, 1982.
8. Пазухин, Р. В. Язык, функция, коммуникация / Р. В. Пазухин // Вопросы языкознания. – 1979. – № 6.
9. Пастушенков, Г. А. Некоторые проблемы структуры слова (единицы структурно-семантического плана) / Г. А. Пастушенков. – Калинин, 1977.
10. Русская грамматика. Т. 1. – М., 1980.

Информация об авторе:

Голев Николай Данилович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, КемГУ, 8(3842) 31-84-26, ngolevd@mail.ru.

Golev Nikolay Danilovich – Doctor of Philology, Professor at the Department of the Russian Language or KemSU.